

Н.В. Шляхтина

Об отдельной категории социально малозащищенных лиц в советском обществе*

«Вдовья доля» в традиционном крестьянском обществе

О феномене вдовства написано уже немало в последние два десятилетия, но в основном в двух аспектах — экономическом их положении и юридическом статусе¹. К тому же эта литература охватывает дореволюционный период, о советском времени научной литературы нам не попадалось. В основном под категорию вдов в научных описаниях попадали «солдатские вдовы»; их государство и видело, и по-своему реагировало на их вдовство (помощью). Отсюда и для исследователя эта категория вдов также стала более доступна для работы. Поэтому следовало бы разделить общую совокупность вдов на солдатских (*военных*) и *социальных*. Последняя категория не так легко просматривается и требует больших усилий при сборе первичной информации.

Вдовья доля в традиционном крестьянском мире имела аскетический оттенок, она была тесно увязана с евангельским образцом благочестивой вдовы. Что выделяет Евангельский текст во вдовстве? Две важнейшие черты: чистоту жизни вдовы и покорность ее воле Божьей. Горечь вдовства такова, что Христос не может без сердечного сочувствия пройти мимо плачущей вдовы, потерявшей своего единственного сына. Та не просит Христа ни о чем, вся уйдя в свое горе, но вера ее такова, что и без этого обращения Христос приходит ей на помощь и воскрешает ее сына. Именно «вдовья лепта» становится мерилом праведной и должной

жертвы, когда Христос сравнивает долю пожертвованных в Иерусалимский храм людей с разными состояниями. Вдовы и сироты идут в Евангелии всегда рядом и всегда под опекой Бога. О вдовах особо заботились апостолы Христовы при создании Церкви, для этого даже была выделена особая богослужебная группа — дьяконов и дьяконисс. Евангелие не раз особо выделяет вдовьи судьбы. Вспомним, например, эпизод с Симеоном Богоприимцем. Младенца Христа встречают здесь чистые сердцем праведные Симеон и Анна, вдова, прожившая с мужем семь лет и потом после его кончины ушедшая служить храму. Христос воскрешает единственного сына вдовы, даже не пролившей Его об этом. Крестная смерть Христа ознаменована таким важным событием, как передача Христом полномочий опеки и заботы о своей Матери своему любимому ученику Иоанну Богослову. В глазах Бога вдова, как и сирота, максимально незащищена, открыта людскому произволу. Не случайно в евангельских текстах не раз говорится о вдове и неправедном судье, о фарисеях, «поедающих дома вдов».

В русской традиции вдовство также рассматривалось в контекстах, близких к евангельским. Вдовство — это призыв Бога или к монашеству (смерти для мирской жизни), или же аскетичная жизнь в миру, полная забот о детях и молитвенной памяти о муже. В этом смысле образцом в новой, послепетровской России, становится такая святая, как блаженная Ксения Петербургская, воспринявшая свое вдовство, как сугубое молитвен-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке фонда РФФИ, проект № 18-09-00196

¹ Мухина З.З. Русская крестьянка в пореформенный период. Вторая половина XIX — начала XX века. СПб: Дмитрий Буланин, 2018. С. 419—441; Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII — начале XX в. Тамбов, 2004; Зудин А.И. Вдовы, сироты, калеки, нищие в социальной структуре Кубанского казачества // Традиции и современность. Научный православный журнал. 2011. № 11. С. 51—65; Пономарева В.В., Хорошилова Л.Б. Мир русской женщины: семья, профессия, домашний уклад. XVIII — начало XX вв. М., 2009. С. 159—164.

В.Е. Попков «Мезенские вдовы». 1960-е годы

ное и аскетичное служение памяти мужа Андрея Федоровича, умершего внезапно, не исповедавшись и не причастившись перед смертью. Потому святая и берет на себя подвиг жить за Андрея Федоровича, назваться его именем, терпя самые тяжелые тяготы бесприютной жизни. По статистике 96% вдов до революции не выходили второй раз замуж², что весьма красноречиво свидетельствует о религиозном мотиве их выбора. В дворянской среде вдовы, имея денежный достаток и опираясь на определенную традицию, старались помянуть своих покойных мужей церковно, устраивая в храмах новые приделы в честь тезоименитых святых. Священники получали средства на обязательное служение здесь ранних поминальных литургий. Были отдельные случаи строительства храмов с той же целью. Или же вдовы, которые отличались особой верой и религиозностью, особой сердечной близостью к своим мужьям, старались открыть новые монастыри. Такой монастырь был создан по инициативе вдовы Гавриила Романовича Державина в имении Званка; или же Спасский Бородинский монастырь, выстроенный Маргаритой Тучковой, в монашестве Марией. Много можно привести и других примеров³.

В крестьянском обиходе в статье расходов на церковные пожертвования важное место имело поминовение. Как отмечала в своей диссертации Н. А. Шушвал, в 1884–1886 годах эта доля составляла около 27%, больше, чем средства, выделяемые крестьянами на внешнее (17%) или внутреннее (19%) устройство церкви. Но уже

в начале нового века доля пожертвований на поминовение усопших у крестьян Вологодской губ. упала до 5%, в то время как деньги на внутреннее устройство повысились до 21%, на внешнее благоустройство продолжали отдавать 17%⁴.

В целом, положение вдов в традиционном обществе обстоятельно раскрывает в своей недавно вышедшей монографии З. З. Мухина. Она подчеркивает двойственный статус вдовы: с одной стороны, вдова лишалась части правовых гарантий, имевшихся у семьи при жизни мужа, с другой стороны повышался ее сакральный статус («с вдовами ассоциировались чистота, целомудренность, что вело к повышению их религиозного статуса»). Но даже при том, что вдова что-то теряла в юридическом смысле, крестьянский мир старался возместить ей в знак доброй воли, как отмечает автор, нередко вдов и сирот освобождали по крестьянскому приговору от натуральных повинностей; помогали и по-иному⁵.

Итак, традиционное общество, имевшее совокупность военных и социальных вдов, в целом имело религиозный взгляд на вдовство (со всеми вытекающими из этого последствиями). Но к новым веяниям эпохи, связанной с Первой мировой войной, следует отнести резко увеличившееся число солдаток в деревне (и соответственно, и вдов-солдаток, «военных вдов»), что выходило за рамки обычного порядка. Это обстоятельство влияло в первую очередь на начало изменения имиджа вдовы. На первый план постепенно начинает выходить (сначала только количественно) светский имидж вдовы, взамен прежнего религиозного, который прежде создавался за счет преимущественного положения социального вдовства и большего количества социальных вдов в деревне, а не вдов-солдаток.

Государственный и общественный статус вдов в довоенном советском обществе

Вдовий мир в межвоенный советский период определялся хорошо сохранившимися традиционными отношениями, что имело прямое отношение и ко вдовам. Вдовство тяготело к аскетической группе, такой как чернички (и все по-иному называемые категории безбрачных лиц — вековуши, старки и проч.), но отличалось от них именно не-

² Мухина З. З. Указ соч. С. 431.

³ Кириченко О. В. Женское православное подвижничество в России (XIX — середина XX века). Алексиевская пустынь, 2010. С. 167—169.

⁴ Шушвал Н. А. Храмопопечение в традиционном укладе жизни севернорусских крестьян (по материалам Вологодской губернии второй половины XIX — начала XX века / Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Москва, 2014. С. 95.

⁵ Мухина З. З. Указ. соч. С. 419—435.

сколько размытой социальной формой. Если статистический комитет имперской России включал черничек в социальную структуру общества, то вдовы, как и возрастные группы населения, не попадали в реестры статистики. Вдовство в этом контексте рассматривалось крестьянским миром не как коллективное сообщество, а, скорее, как отдельные лица, каждое со своей судьбой и перспективами. Вдовы — группа изменчивая и непостоянная. То есть вдовы только «внутри себя» могли ощущаться как нечто целое, не передавая и не навязывая это ощущение остальному обществу. Вот почему под традиционным отношением ко вдовам мы будем понимать такое отношение к ним государства и общества, которое исключало коллективную ответственность. Только конкретная вдова, конкретный случай, конкретная специфика. Единственное сообщество вдов, которое могло претендовать на общий статус (как особая группа, равная в своих правах) — это военные вдовы, жены погибших на войне солдат и офицеров. Здесь можно говорить о некоем корпоративном организме, знакомом и узнаваемом «как целое», унифицированное явление и государством, и обществом.

Однако именно по отношению к этой категории вдов что-то сильно пошатнулось в общественном мнении предреволюционной России. Мы имеем ввиду тот опыт Первой Мировой войны, который стал неожиданным для всех: и дворян, и крестьян, и интеллигенции. Крестьяне были недовольны тем, что солдатские вдовы получали хорошие денежные пенсии. Но не это было поводом для недовольства, а то, что солдатские вдовы тратили эти деньги легкомысленно, на наряды и увеселения⁶. В дворянской среде в эти же военные годы случаются такие казусы, которые тень бросают на благородную фигуру молодой вдовы. Здесь стоит привести пример из повести белоэмигранта писателя Бориса Лазаревского «Вдова капитана», ярко иллюстрирующий данную ситуацию⁷. На фронт, на передовую приезжает юная, еще бездетная вдова недавно убитого капитана и хочет увезти его останки в Петербург. Военное руководство предоставляет ей сопровождающего офицера и денщика убитого. Вдова поражает их своим трепетным чувством к погибшему, потрясенные ее переживаниями, они с большими трудностями начинают продвигаться в тыл. На пути к ним, в выделенный командованием отдельный вагон с теплым (от печки) купе, высаживается группа офицеров, кото-

рые очень скоро вносят существенную перемену в настроение вдовы. Один из офицеров, как подчеркивает автор, кавказец, человек темпераментный и энергичный, скоро добивается ее симпатии, и женщина принимает решение остаться с ним, а сопровождающим гроб мужа офицеру и денщику дает поручение довести до Петербурга и передать в распоряжение матери. На этой трагической ноте и происходит окончание повести. Конечно, Б. Лазаревский художественно описал, может быть, не типичную ситуацию для того времени, но тем не менее бывшую, которая пробилась сквозь привычный порядок вещей, и, значит, внесла, даже при своей единичности, огромный разлад в умы и настроения окружающих людей.

Конечно, не Первая мировая война создала эту ситуацию, некоего критического взгляда на военных вдов, он складывался постепенно в предыдущие годы, как нам кажется, начиная с новой, послепетровской России, с создания регулярной армии европейского образца. В дворянской среде именно по отношению к военным вдовам существовал устойчивый взгляд на «веселую вдову», отличающуюся поведением, не свойственным ее статусу. То же было и у крестьян по отношению к солдаткам, у которых мужья служили николаевские 25 лет. Здесь проскальзывал тот же фольклорный «веселый дух», который переносился в какой-то мере и на категорию солдатских вдов, хотя и не в такой степени. То есть проблема эта внутри вдовьего сообщества нарастала постепенно, и, как нам кажется (слишком мало материала, поэтому приходится опираться на единичные случаи), Первая Мировая война подвела черту здесь, обнажила это противоречие внутри вдовьего сообщества, и может быть, даже разделила вдовый мир до времени на две части.

Вот почему, советский довоенный период находился, на наш взгляд, под знаком этого разделения на две части: вдов военных и вдов социальных. Последние при этом продолжали сохранять традиционно высокий статус, отсутствие корпоративизма и опору на религиозную (православную) духовность. Этот временной отрезок отмечен крупными изменениями в государственном статусе женщин, большими переменами в семейной и прочих сферах жизни, а также очень интересным явлением, названном женскими бунтами. Огромную роль в этих политических, по сути, бунтах против советской власти, радикально круто меняющий образ жизни крестьянства, играли солдатские вдовы.

⁶ Щербинин П. П. Указ. соч. С. 246.

⁷ Лазаревский Б. Вдова капитана. Повесть. Константинополь, 1920. 49 с.

В то же время та группа, которую мы относим к социальным вдовам, стала проявлять необыкновенную активность в религиозной сфере. В 1920-е-1930-е годы происходит своего рода сращивание черничества и социального вдовства; эта группа вдов начинает энергично искать корпоративной формы своего существования. И это движение осуществлялось по нескольким направлениям. Одно, уже упомянутое, слияние с черничеством; другое — активное участие в церковном подполье, третье — выход через церковные связи на косвенное решение политических вопросов. В данном случае речь идет о монархических иллюзиях, участии в деятельности, привязанной к т.н. монархическим заговорам, в которых участвовали лица, выдававшие себя за членов царской семьи. Церковная активность социальных вдов заметна и в противодействии церковному обновленчеству в сельских приходах, где вдовы вместе с черниками и стоящими за ними монахинями из разоренных монастырей, активно противодействовали обновленчеству⁸.

Таким образом, в целом обе группы вдов — и военные и социальные — по формальным признакам становятся ближе друг к другу, в том числе по признаку наличия корпоративности, хотя фактически их корпоративность была разной по содержанию.

То что социальные вдовы перестают в 1930-е годы жить индивидуально, а вливаются в корпоративный мир, приводит, на наш взгляд, к большим изменениям. Они перестают пользоваться всеобщим и безусловным уважением в сельской среде, поскольку на них начинают теперь смотреть не персонально и индивидуально, а как на представителей церковного, околмонашеского мира. А этот мир в постсоветской деревне уже не всем был мил и дорог. Вот почему и эта группа вдов лишается неких безусловных симпатий. Получается, что и по этому пункту произошло формальное сближение военных и социальных вдов. Разделяла их теперь даже не столько религия и церковность, сколько по-разному понимаемая мирская жизнь.

В тот же период в СССР происходят другие важные события, которые также повлияли на ситуацию в положении вдов. Классовая борьба, Гражданская война, а потом и репрессии против «буржуазии», под которой понимались все враждебные советской власти сословия (дворяне, купцы, мещане, духовенство, зажиточные крестьяне), привели к тому, что в стране появилось

огромное количество вдов, мужья которых погибли не на войне, а в этих классовых катаклизмах. Вдовы классовых врагов автоматически попадали в число противников советской власти, что, соответственно, и создавало у государства (а вслед за ним у общества, которое оно воспитывало) негативное к ним отношение. То есть появляются еще и *вдовы-изгои*, не пользующиеся поддержкой государства и общества, нуждающихся в работе, учебе детей, социальных льготах, которые имели пролетарские вдовы. В тоже время мы не можем говорить, что государство и общество как-то корпоративно выделяло эту категорию лиц (вдов-изгоев) и целенаправленно делало их объектом травли или сознательного игнорирования. Они, скорее, оставались, как в прежнее, дореволюционное время, той группой вдов, которая не нуждалась в корпоративном оформлении. Не нуждалась ни сама, ни со стороны государства и общества.

Таким образом, можно констатировать, что социальный портрет вдовства в довоенный советский период усложнился; кроме военных и социальных вдов, появились *сословно-классовые вдовы*, которые взяли на себя традиционную для вдов миссию индивидуального существования. Эти три группы вдов не были враждебны друг другу, их разделяло не столько идеологическое начало, сколько признаки традиционности и модерна. Интересно отметить, что те вдовы, которых советская власть принимала и ублажала, в основном относились к группе военных вдов, ставших таковыми после Гражданской войны. Но была и формирующаяся категория социальных вдов, мужья которых умерли в мирное время, находясь на каком-то посту в качестве советских функционеров. И те и другие жили по корпоративным законам. Стоит сказать, что советская власть не имела физической возможности включить в эту группу социальной поддержки всех вдов из идеологически близкой, пролетарской и крестьянско-бедняцкой среды, поэтому какая-то часть советских вдов также не имела корпоративного оформления, находясь в непосредственной близости к классово враждебной им группе вдов-изгоев. Те и другие жили индивидуальным личностным капиталом (религиозным, нравственным, образовательным, хозяйственным и т.д.).

Невозможно сказать, сколько точно было вдов после окончания Первой мировой войны, можно лишь определить косвенную цифру, учитывая разницу в пропорции между мужчинами

⁸ Кириченко О.В. Монахини и черники как организаторы народного противодействия церковному обновленчеству в 1930-е годы // Традиции и современность. Научный православный журнал. 2006. № 4. С. 3—25.

и женщинами. По подсчетам В. Б. Жиромской, разница эта, начиная с 1926 и кончая 1937 г., колебалась в пределах от 5 до 8,5 млн. человек. На столько человек в среднем женщин было больше, чем мужчин⁹. И большая часть этих миллионов солдатских вдов жила в деревне. Известно, что до 1917 г. все категории солдаток, включая вдов, получали ежемесячные денежные пособия; также помощь оказывалась через земства, личные инициативы помещиков, а также сельские общества, которые были обязаны бесплатно убирать вдовам хлеб и пахать землю под озимые¹⁰. Тогда денежных средств для поддержания жизни вдовам хватало. Нередко даже было использование денег на «непроизводственные нужды» (покупка красивой одежды и т.п.). При этом положение городских вдов-солдаток было более тяжелым, там этих средств не хватало, из-за отсутствия домашней сельскохозяйственной продукции.

Революция и Гражданская война сильно ударили по этой категории социально малозащищенных лиц. Пособия или перестали выплачиваться, или выплачивались неаккуратно. Вдовы, как инвалиды и престарелые, распределялись советской властью по категориям, привязанным к происхождению, месту получения инвалидности или вдовства и т.д. И в соответствии с этим, пролетарские вдовы или вдовы бедняков-крестьян, мужья которых погибли в Гражданскую войну, защищая советскую власть, могли получать денежное пособие¹¹. Другие же категории, хотя и фиксировались (чтобы отделить «зерна» от «плевел»), но не включались в реестр государственной опеки; они направлялись на рассмотрение местных властей, за счет организации и выделения общественной помощи. То есть подразумевался вариант добровольности, условности и прочего, что могло и не учитываться местными властями. В справочнике «Советская деревня» за 1923 говорится, что забота Советской власти распространяется, согласно приказу РВСР № 357 и 360, лишь на семьи красноармейцев: «детях, женах, престарелых родителях красноармейцев, зорко следить за проведением в жизнь предоставленных им законом льгот. Если в семье не осталось трудоспособных членов, она пользуется правом социального обеспечения, де-

нежной и натуральной помощью и правом найма работников для обработки земли (!), сбора урожая и проч.»¹². Льготы касаются и учебной деятельности детей красноармейцев, выплаты налога за землю (освобождение от поземельного налога), трудгужналога, имеет льготы по ссудам, право на продпаяк. Соответственно, вдовы «I-й империалистической войны» ничего этого не имели.

Следует отметить, что городское и сельское обеспечение нуждающихся различались. Если город в какой-то мере действовал централизованно, то для села были определены нормы субъективно. Декрет Совнаркома от 14 мая 1921 г. ориентировал советские органы в центре и на местах на то, что «основную тяжесть заботы о социальном обеспечении нуждающихся должны взять на себя сами крестьяне, путем организации обществ взаимопомощи». В селах создавались для этого крестьянские комитеты общественной взаимопомощи при сельских советах и волостных исполкомах, занимающиеся организацией адресной помощи «инвалидам, красноармейцам и трудармейцам, впадшим в нужду, семьям погибших красноармейцев, вдовам, сиротам, больным и престарелым»¹³. Учитывая, что бедняки в сельсоветах руководствовались большей частью «классовым подходом», надо понимать, что небольшие меры помощи оказывались только «своим». Как отмечает другой автор, основываясь на материалах Сибири, выборочный подход большевиков касался в целом игнорирования целых социальных групп, которые «не вписывались в советскую идеологию», в том числе не могли принести пользу советской власти. Это «бесправные старики, слепые, глухие, умственно отсталые (от рождения)»¹⁴. В Сибири, согласно всесоюзной переписи 1926 г., основную массу инвалидов составляли «беспризорные инвалиды — женщины, проживающие в сельской местности. Они не могли обходиться без посторонней помощи»¹⁵. Похоже, что эта многочисленная группа также имела отношение к вдовству, в его постреволюционном качестве.

Положение сельских вдов-солдаток в послереволюционные годы резко ухудшается. Отсутствие пособий, послереволюционная дороговизна, отсутствие прежней власти, которая хорошо знала

⁹ Жиромская В.Б. Демографическая история России. Взгляд в неизвестное. М.: РОССПЭН, 2001. С. 92.

¹⁰ Щербинин П.П. Указ соч. С. 285—286.

¹¹ Сухоруков М. Социальная работа в России // Социальная защита. 1996. № 1. С. 125—127.

¹² Советская деревня / Спутник крестьянина. Вып. 1. Изд. Смолгубкома Р.К.П., 1923. С. 5.

¹³ Холостова Е.И., Малофеев И.В. Система социального обслуживания населения: исторический экскурс и современный взгляд. М., 2017. С. 17.

¹⁴ Ковалев А.С. Инвалидный дом как институт социальной помощи пожилым людям и инвалидам в 20—30-е годы XX в. (на материалах Сибири). Красноярск, 2013. С. 47.

¹⁵ Там же.

механизм функционирования сельского общества, да и отсутствие прежнего механизма вертикали — все это повлияло на ситуацию с опекой вдов-солдаток. В эту среду приходят нищета и беспросветная нужда. Бесправие вдовы становится вопиющим в период НЭПа, когда брошенный большевиками клич «обогащаться» был подхвачен в деревне прежде всего теми силами, которые поднялись на волне революции. К середине 1920-х годов в деревне уже выросла новая мелкая «буржуазия», которую справедливо было бы называть *советской буржуазией*, т.к. она была порождением НЭПа, его законов и принципов, его атмосферы, когда обогащаться разрешалось, а тратить деньги производительно не было возможности. Основная часть (80%) сельских торговцев (т.е. тех самых кулаков), как отмечает Данилов, стали заниматься торговлей уже в советское время¹⁶. Только 20,2 % торговцев имело дореволюционный опыт. «Деревенский торговец середины 1920-х годов — прежде всего продукт классового расслоения деревни, возобновившегося в условиях НЭПа»¹⁷. Именно эти люди, которых практически перестала сдерживать сила обычного права, сила коллективных решений деревенского мира (поскольку все властные функции в деревне перешли к сельским советам), и становятся до начала коллективизации фактическими экономическими хозяевами деревни. В их распоряжение попадает и численно большая группа вдов, готовых трудиться на любых условиях, лишь бы выжить. Интересно отметить, что «своих» вдов советская власть в это время старалась защитить, ведь это касалось не только прошлого (Гражданской войны), но и будущего. Того будущего, в котором должны быть уверены солдаты Красной армии. Вот, что пишет типичный агитационный листок 1923 г., ориентированный на сельского читателя. Советская власть дала крестьянину возможность объединяться в кооперативы, и далее — «она дала уверенность защитникам Революции, красноармейцам, что их оставшиеся семьи будут обеспечены и поля их обработаны и засеяны. 3 тысячи крестьянских комитетов в нашей Смоленской губернии следят за этим»¹⁸. Советские законы о браке и семье, как разъясняли соответствующие советские брошюры времени нэпа, не ориентируются уже на венчание и стро-

гие нормы в выборе невесты. В эти годы звучит даже определенный призыв к анархии, поступать так, как тебе хочется. Вот, к примеру, что пишет один такой автор (книга издана в Ленинграде): «А если наоборот (т.е. без венчания. — О.К.) овдовевший домохозяин возьмет к себе в дом батрачку, да начнут они вместе жить и трудиться, пойдут у них, может быть, дети, кто же на них не будет смотреть как на мужа и жену?... Семья по советским законам — это трудовое объединение людей, связанных между собой кровно-родственными связями»¹⁹.

Вдовы-солдатки Первой мировой были вынуждены искать поденную работу у советской сельской буржуазии, на самых незавидных условиях. Если крестьянин-мужчина зарабатывал 21,8 руб. в месяц, а обычная батрачка 17,9 руб., то бесправная вдова 5-8 коп в день. В художественных произведениях этих лет вдова, как правило, солдатская, живет крайне тяжелой жизнью. В рассказе Петра Орешина «Солдатка» вдова Степанида Голубкова показана в «реалиях» 1916 г., хотя рассказ написан автором уже в советское время и опубликован в 1925 г. Советскую действительность автор переносит в «проклятое прошлое». Вдова зависит от деревенского торговца старика Ивана Севастьяновича, который кроме прочего еще пристает к вдове и склоняет ее к сожительству. После резкого отказа, она вскоре и узнает о смерти мужа от ран и жизнь ее еще более ухудшается. Иван Севастьянович больше не дает ей в долг и смеется над ней, говоря, что нашлась другая, более благоразумная вдова, что согласилась с ним сожительствовать²⁰. В документальном очерке Михаила Голубых «Очерки Глухой деревни», посвященном одному из мест в Пермской губернии, вдовы — это бесправнейшие люди в середине 1920-х годов. Торговцы и богатые сельчане постоянно используют их даровой труд. Прежние сельские помочи превратились здесь в средство заработка. Торговец организует разные помочи: уборка хлеба, ремонт дома, заготовка дров и т.д. Зовет вдов и беднейших крестьян; мужикам дает самогон, а вдовы довольствуются только хлебом и водой, пока работают. Некоторые вдовы, как отмечает автор, становятся иногда сожительницами за натуральную плату (калачами) отдельных торговцев, кого-то те толкают на проституцию²¹.

¹⁶ Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. Л.: Наука, 1979. С. 189.

¹⁷ Данилов В.П. Указ. соч. С. 191.

¹⁸ Советская деревня / Спутник крестьянина. Вып. 2. Смоленск. Изд. книжного кооперативного товарищества при Смолгубкоме, 1923. С. 144.

¹⁹ Бурак Ю.А. Законы о браке и семье. Л.: Изд. «Прибой», 1925. С. 5, 44.

²⁰ Орешин П. Солдатка. Рассказы. Л.: Гос. изд., 1925.

²¹ Голубых М. Очерки Глухой деревни. Л., 1926. С. 19—20.

В повести А. Ильинского-Блюментау «Повесть о Груньке-солдатке» автор уже пытается найти выход для вдовы из безвыходного положения. Здесь также беспросветная нужда, приставания старика-торговца, но в село приезжает агитатор из города призывать крестьян к организации кооператива, занимающегося внедрением удобрений в сельское хозяйство. На собрании сельчан, когда вопрос встает остро, быть кооперативу или не быть, решающую роль играют два человека сын торговца Апарина Алеша Апарин и Грунька-солдатка, которая не боится «резать правду-матку в глаза любому». Ей симпатичен Алеша, потому что он не пошел по стопам отца, уехал в город и живет своим трудом. Слова поддержки кооператива, которые сельчане слышали из уст Груньки-солдатки стали решающими, было решено создавать в деревне химический кооператив. И личная жизнь вдовы-солдатки наладилась, она вышла замуж за Алексея Апарина, и зажили они счастливо. Подобный агитационный материал начинает широко распространяться с середины 1920-х годов, с целью не только показать положительные образы, но и направить мысль и энергию людей в нужное русло. Например, автором К. Дандэн издается книга «Советская деревня Селино», которая неизвестно где находится и по каким законам хозяйственного развития существует. Здесь уже коммунизм; и теплые красивые дома с большими окнами; изобилие в животноводстве (все породистое, сытое); огромные успехи в полеводстве (все прекрасные урожаи остаются у сельчан!); молочные кооперативы показывают технологические чудеса переработки молочной продукции. В деревне все есть — вода, электричество, школа, изба-читальня, детские ясли, библиотека на 2800 книг. Школа решает крупные аграрные задачи, потому что здесь же находится экспериментальный питомник. Успехи деревни — это результат деятельности дружной коммунистической и комсомольской ячейки. И конечно же в деревне нет никаких проблем неравенства, полная социальная гармония и порядок²². Так утверждалась своя — советская — правда, призывающая людей трудиться и действовать по плану, по представленному примеру. Пусть даже примера такого и нельзя было найти в реальной жизни.

Грунька-солдатка.
Н. Агабеков 1927 г.

Подобные тяготы жизни, свалившиеся на вдов в первые десятилетия советской власти, солдаток ли или социальных вдов, ложились на плечи, на души все же религиозных или знакомых с церковной жизнью, поэтому в массе своей вдовы относились к ним, как верующие, с духовным терпением и смирением. Хотя, есть основания говорить, например, об участии многих вдов в «бабьих бунтах» начала 1930-х годов. На пике активности, в 1930 г. их было по стране 3 712 и все они были жестоко подавлены²³. Это были самые массовые стихийные выступления против «линии партии» в период коллективизации. Просматривая опубликованные материалы сводок ГПУ и НКВД, мы не обнаружили в отчетах органов никаких поясняющих слов о том, что это была за категория женщин. Несколько общих характеристик о вожаках из кулацкой среды, о выразителях торгового капитала и более ничего²⁴. Судя по всему, активнейшую роль в этих бунтах играли именно солдатские вдовы, жены солдат, погибших на фронтах Первой

²² Дандэн К. Советская деревня Селино. Тула. Изд. Рабоче-крестьянская библиотека, 1926. Вып. 12.

²³ Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД / Документы и материалы. В 4-х томах. М.: РОССПЭН. Под ред. А. Береловича, В. Данилова. Т.1. С. 17.

²⁴ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание / Документы и материалы 1927–1939 в 5-ти томах. М.: РОССПЭН, 1999. Т. 2. С. 787—801; Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД / Документы и материалы. В 4-х томах. М.: РОССПЭН. Под ред. А. Береловича, В. Данилова.

мировой войны. Если они, в массе своей, были тесно связаны (как батрачки) с богатой частью села, то наступление советской власти на «кулачество как класс» затрагивало и эту категорию лиц, разрушало тот хрупкий их производственный мир, который был достигнут в годы нэпа. Отчеты ОГПУ, посылаемые в центр, показывают, что постепенно росло недовольство женщин коллективизацией. «В 1928 г. эти выступления еще не носили ярко выраженного антисоветского характера... в 1929 г. массовые выступления с участием женщин приобрели уже более острый характер и возникали уже на почве хлебозаготовок и на религиозной почве»²⁵. Вспомним, что подобные бунты в женской крестьянской среде уже имели место в годы Первой мировой войны. Но выступления эти носили «скоротечный и эмоциональный характер». К 1916 г. они прокатились по многим внутренним губерниям Российской империи и включали в себя число участниц от нескольких сот до нескольких тысяч²⁶. То есть определенный опыт протеста сельские женщины-солдатки уже имели. Разница состояла лишь в отношении к этим бунтам со стороны власти; в одном случае власти прислушивались к протестам и оказывали помощь нуждающимся, в другом случае — протестующих жестоко наказывали, вплоть до расстрела.

И все же даже бунты — радикальную форму активности — нельзя считать характерной для женского поведения, в том числе вдов, в это нелегкое время. Характерным мы бы назвали возросшую религиозность вдов, их более тесную связь с храмом, который нужно было отстаивать в годы массовых закрытий. Материала не так много на этот счет, потому что власти особенно не считали, кто вдова из женщин-сельчан, выступающих против закрытия очередного храма, а кто замужняя. Водораздел проходил по-другому принципу: враг советской власти и не враг. По отдельным, порой единичным, случаям можно фиксировать напряженнейшую ситуацию в делах веры, в жажде веры, что необязательно выливалось в бунты. Чаще всего эти бесправные люди (вдовы) как в городе, так и в деревне, просто продолжали тихо жить, в соответствии с тем, что можно было делать. Закрыли храм, ходили молиться друг к другу или к месту какой-либо святыни. Приведем один такой характерный пример «тихой вдовьей жажды» церковной жизни в конце 1930-х годов, в Москве. Церквей, как известно, здесь осталось не-

А.А. Пластов. Бабушка Катерина с Таней Юдиной. 1960 г.

закрытыми на весь город несколько десятков (на всю Россию — 100). По воспоминаниям архимандрита Иоанна (Крестьянкина), он в 1939 г. жил в столице на квартире одной старенькой вдовы. Тогда еще он не был ни монахом, ни священником, но жизнь вел аскетичную. Его хозяйка умерла от инсульта, три дня молодой человек ухаживал за парализованной хозяйкой, а когда она умерла, похоронил ее по-христиански. Все это было на глазах соседей их дома, среди которых было немало таких же, доживающих свой век вдов. «Вернувшись с кладбища, он увидел, что его дверь обложена котомками. Старушки со всего дома принесли к нему свои похоронные узелки и долго преследовали его просьбами-завещаниями похоронить их также, как Анастасию Васильевну»²⁷.

Если подводить итог вдовьей жизни в довоенном СССР, то отметим следующие общие моменты: начавшийся в предреволюционные годы

²⁵ Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД / Документы и материалы. В 4-х томах. Под ред. А. Береловича, В. Данилова. М.: РОССПЭН, 2003. Т. 3. Кн. 1. С. 420.

²⁶ Щербинин П.П. Указ. соч. С. 264—266.

²⁷ Смирнова Т. С. Память сердца. Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 2006. С. 71.

процесс, связанный с резким увеличением количества вдов-солдаток (а значит, и светски окрашенного вдовства, в противовес религиозному), нашел в 1920-е—1930-е годы свое завершение. Появился (на селе) альтернативный традиционному новый взгляд на вдовство. Оно уже не только религиозное (Божье) испытание, искус для человека, но и чисто земная тягота, которая по человеческим меркам требует своей корректировки (отступление от норм перенесения тягот и т.д.). К этому масштабному процессу добавляется и другое; образ страдающей вдовы не находит поначалу равноценного отклика у советской власти. Она разделяет эту категорию две неравные части — своих и чужих. «Свои» — вдовы красноармейцев и бедняков, «чужие» — вдовы империалистической войны. К чужим также были отнесены и т.н. «вдовы-изгой», чуждые по классовому происхождению и религиозной принадлежности. Этот раскол во вдовьем мире продолжался вплоть до Великой Отечественной войны. Хотя можно сказать, что после коллективизации и массовой индустриализации в 1930-е годы, постепенно военные вдовы «империалистической войны», после «бабьих бунтов» начала 1930-х годов и жестокого их вооруженного подавления, начинают включаться в общество советских женщин на правах трудящихся.

Вдовый — общественный и государственный — статус в послевоенном СССР

Несомненно, Великая Отечественная война принципиально изменила прежде всего государственное отношение к вдовам. Да и общество, находилось под впечатлением от послевоенных реалий; а это огромное число семей, лишившихся своих «кормильцев», как принято было называть тогда мужчин, и второе немаловажное обстоятельство касалось высочайшего статуса женщины, ее авторитета, завоеванного героической работой тыла в годы войны. Женщина выдвигалась на пьедестал почета и государством, и обществом, и особенно в таком качестве, как вдова. На вдове лежали ответ подвига (и трудовой, и ратный) женщины в годы войны, и слава солдата-защитника, погибшего за Родину, за весь народ. Можно сказать, что Великая Отечественная война заставила, словно с чистого листа, взглянуть на образ женщины и сформировать новый советский миф о женщине, в том числе — о вдове.

Точнее было бы сказать, символ вдовы оказался кульминацией, вершиной этого мифа, его наиболее светящейся частью. На первое место вышло понятие «военная вдова», причем уже не в рассеченном надвое виде (красноармейские и империалистические вдовы), а в цельном виде советской военной вдовы. Это же обстоятельство позволило окончательно вытеснить за пределы видимого и актуального ту категорию вдов, которая в дореволюционное время была основной — социальных вдов. В новых условиях они естественно растворялись в категориях, не привязанных ни к статусу религиозному, ни к статусу нравственному. Власть их не видела, и хотела, чтобы и никто их не видел. Но, тем не менее, как показывают наши экспедиционные материалы, социальные вдовы, как особое сообщество с негласным религиозным статусом, продолжало существовать и в деревне, и в малом советском (русском) городе. Причем, указанное разделение на военных и социальных вдов в глазах народа было несколько другим, чем в глазах официальной власти. В народных глазах военные вдовы, особенно сельские военные вдовы, более тяготели к традиционному статусу социальных вдов, поскольку у многих из них в основе объединения в особое сообщество лежал религиозный мотив. В какой-то мере власть это понимала, поэтому ею предпринимались определенные усилия (особенно во времена правления Н. С. Хрущева и Л. И. Брежнева) для того, чтобы закрепить за сельскими военными вдовами какие-то общественные объединения. Хотя и в этой области тоже было народное творчество, особенно в крупных городах.

В. Хвостенко На родном пепелище. 1943 г.

Приведем два примера, один официального характера, другой, иллюстрирующий народные инициативы по созданию общественных объединений военных вдов. В первом случае, будем опираться на документальный очерк И. Олиференко «Вдовы», где идет рассказ о нескольких судьбах женщин-вдов украинского села Подвысокое (Днепропетровская обл.). Отсюда на Отечественную войну 1941—1945 гг. ушло 686 мужчин, 381 человек сложили головы на фронтах войны. По инициативе местной власти каждое 22 июня (не ясно, с какого времени) в селе проходил «вечер солдатских вдов», куда собиралось все село, выслушивали официальные приветствия, потом выступления вдов. Автор очерка подчеркивает как официальный тон в словах вдов, так и более сердечный и непосредственный. «Они благодарили партию и правительство, земляков своих, приехавших приветствовать их воинов, пионеров за внимание и заботу, за мир на нашей земле. Их слова в адрес партии были преисполнены глубокой преданности, обращенные к воинам — звучали призывом зорко стоять на страже счастья Родины, к детям — материнским наказом быть достойными сыновьями и дочерьми нашей советской Родины»²⁸. С учетом официального, «героического» начала выстроены и биографии вдов. Их в книге двенадцать. «Надежда Ивановна» — вдова красного командира. Ей, по ее просьбе, оставили на пригорке ее небольшую белостенную, крытую соломой хатку. В то время как везде все старое снесено и выстроено большое и добротное жилье, с железными крышами. Другая вдова «Егоровна» — «добра и хлебосольна», человек с «обостренным чувством человеческого достоинства», к слову ее прислушиваются, авторитет ее непоколебим. Вдова «Параска» являет всему селу пример беззаветной любви, одна из лучших доярок. Каждую субботу читает она последнее письмо от мужа с фронта и каждый раз пишет на него ответ, всякий раз разный. «Тетя Поля» — хранительница семейной реликвии, которую она получила от более старой вдовы как образ хранения вдовства в чистоте. И все знают об этом, вышитый рушник для всех сельчан тоже свой символ поддержки друг друга в тяжелых обстоятельствах. Для вдовы «Бабы Маши» памятью о прошлом, о погибшем муже стали цветы, которые она взялась выращивать сначала в палисаднике, потом на огороде, на левом берегу, возле реки. Цветы самые разнообразные: георгины, майоры, хризантемы, чернобровцы, маки,

невеста, петунья, сирень, розы. «Ольга» сумела сохранить в годы войны знамя полка и вернуть его потом военным, за что была награждена медалью «За боевые заслуги». Вдова «Любовь Ивановна» растила четырех детей, хранила память, все время его ждала, не раз отказывала тем, кто предлагал ей замужество. «Оксана» потеряла в войну и мужа и сына, «Елена» выгнала из дома сына-дезертира и тот продолжил войну в штрафбате, погиб героически в Берлине, закрыв грудью амбразуру. «Антония» бесстрашно помогала партизанам, «Катюша» сама воевала, потеряла в войну мужа и дочь. Все перечисленные вдовы растили после гибели мужей помногу детей, трудились как бы за двоих и свято хранили память о своих мужьях.

Очерк «Вдовы» по-своему хрестоматиен, соединяя официальную точку зрения и народную в одно целое. Здесь присутствуют все необходимые атрибуты образа советской «вдовы солдата»: 1) способность вдовы к возрождению через самоотверженный труд; 2) верность памяти погибшего мужа делает вдову образцом любви и чистоты; 3) вдова нередко являет примеры героического поведения и поступков. Народному взгляду особенно важен был второй пункт, но он и понимался в разных случаях очень широко, и религиозно и светски. Ниже мы специально остановимся подробно на каждом из трех атрибутов советского вдовства, сейчас же перейдем ко второму примеру, характеризующему появление общественных объединений вдов по инициативе самого народа, снизу.

Вплоть до 1980-х годов в СССР не возникало, как это ни странно, никаких крупных общественных объединений, посвященных вдовам. Первая общественная организация появилась в Ленинграде в 1980 г. Поначалу это был центр, занимающийся изучением социально-бытовых условий жизни вдов Дзержинского района города. Инициатором выступила участница войны Вера Васильевна Соловьева, хотя и не вдова, но не успевшая оформить брак с молодым человеком, ушедшим на фронт и не вернувшимся назад. Храня память об этом юноше и после войны, она воспринимала понятие «вдова» не отстраненно, а как свое родное. Как она отмечает в своих воспоминаниях, тогда еще не существовало ветеранских организаций в районах²⁹. Организация «Общественное объединение солдатских вдов и членов семей фронтовиков, погибших во Второй Мировой войне» получила наименование «Верность». Инициативная группа, состоящая из актива — В.В. Соловьевой, В.Глад-

²⁸ Олиференко И. Вдовы. Рассказы. Днепропетровск, 1983. С. 5.

²⁹ Соловьева В., Талалаев А., Иванова О. Солдатские вдовы. СПб.: «Возрождение России», 2000. С. 301.

кова, Ю. Цветкова, А. Беляева, И. Тращенко, обращалась за материальной помощью к районным службам, делала заявки, обосновывала необходимость помощи и отправляла ее адресно тем, кто в ней особенно нуждался. Очень скоро о центре узнали и сюда потянулись просители из других районов города. Тогда деятельность центра расширилась; исполком стал закреплять за ним отдельные предприятия-доноры в каждом конкретном районе. Возросший масштаб приложения сил позволил этому общественному объединению выйти на строительство первого социального дома, предназначенного для вдов; он появился на ул. Чайковского в Ленинграде. В целом же, это народное движение, поддержанное властью, быстро набирало обороты; «завоевав» Ленинград, оно двинулось дальше по стране, в результате став всесоюзным. Это позволило не только активнее заниматься адресной помощью нуждающимся вдовам, но и начать сбор информации о судьбах военных вдов. Полевые исследования велись энтузиастами. Но и здесь инициатором выступила упомянутая петербургская (в прошлом ленинградская) группа «Верность», которая выпустила в 2000 г. большую книгу об отдельных человеческих судьбах. По такому же принципу потом издавались подобные книги и в других регионах; в Кургане и Орле.

Конечно, каждая из записанных биографий вдов-солдаток была по-своему уникальна, за каждой стоял свой особый деревенский мир, свои обстоятельства гибели мужа, свой путь воспитания детей, свой жизненный путь вдовы. И все же из этих биографий, хотели этого авторы очерков или не хотели, складывается и обобщенный образ вдовы, в которой есть и очевидные советские черты — привязка к некоему общему делу государственной важности, — но есть и традиционные, русские черты. Красной нитью через все биографии проходит тяжкая доля одиночества. Она, главным образом, не психологического характера, а некоего личностного. Это одиночество твердо, как камень, оно — гибкий, но не ломающийся стержень, которому оказываются не страшны ни тяготы материальных забот, ни духовный (не только психологический) мир одиночества. «Мать говорила детям: “На веку, как на долгом волоку — все случится и сгодится может, а что знаешь да умеешь — все тебе и будет. Надежда на свои силы самая верная»³⁰. У этого особого вдовьего, духовного одиночества были свои особенности:

одиночество не замыкалось на себя; вдовы не ожесточались (как правило). Те, кто растил помногу детей (четыре-пять — часто; восемь-одиннадцать — редко), отличались душевным спокойствием, радушием, доброжелательностью. «Не озлобили прошлые беды, не ожесточили, а скорее наоборот»³¹. В другом случае дочь вспоминает о матери Васильевой Евдокии Павловне, оставшейся в 1944 вдовой с пятью девочками. Ей полагалась небольшая пенсия в 8 руб. 50 коп. в месяц, но только на двух самых младших девочек. Но при этом с нее не снималась выплата налогов: «с хозяйства она должна была сдавать ежегодно 360 литров молока, шерсть, яйца. На трудодни выдавали лишь зерновые отходы»³². При этом, как отмечает дочь: «Мы от матери не слышали ни стона, ни жалоб, ни обид. Утром она снова была жизнерадостная, быстрая на ногу. Давала нам, детям, наказ на день — и опять ее уже нет дома. Мама лишь жаловалась иногда, что не хватает времени почитать. Она любила петь: ходила в церковь и пела на клиросе. Много читала религиозных книг. Знала много молитв, любила читать стихи. Часто вечерами собиралась вся семья, приходили соседки с работой: кто прял, кто вязал, кто вышивал. Тут пели и читали стихи. Мама иногда читала стихи и в клубе. Мама прожила 98 лет, всех нас научила уважать свой и чужой труд, научила душевной теплотой и щедрости, бескорыстной верности, сердечности, преданности и житейской мудрости»³³. Стоит сказать отдельно о том, что большинство вдов были долгожителями, прожившими более 80 лет и, нередко, более 90 лет.

В этих вдовьих судьбах особенно потрясает необыкновенная ответственность вдов перед памятью своих погибших мужей, которые наказывали им перед уходом на войну и в сохранившихся письмах беречь детей. Это было главною заповедью, и отношение к ней было соответствующее, чуть ли не священное. Собственно, две вещи особенно поражают в этих судьбах военных вдов: 1) непоколебимая верность в хранении памяти мужа, его любви, всего, что с ним было связано в довоенные годы; 2) забота о том, чтобы поднять на ноги детей. Были нередкие случаи, когда детей не было возможности кормить, смотреть за ними и их отдавали в детские дома. Но во всех опубликованных материалах, биографиях вдов, с которыми нам довелось ознакомиться при подготовке статьи, нам не встретилось ни одного случая пе-

³⁰ Книга Памяти. Солдатские вдовы Зауралья. Курган, 2006. Сост. В. Усманов, Г. Устюжанин. С. 59.

³¹ Там же. С. 340.

³² Книга Памяти... С. 29.

³³ Книга Памяти... С. 33.

«Вдовы». Худ. Фильм С. Михаэляна. 1976 г.

редачи детей в интернаты. Сколько бы их ни было — даже 8—10 — матери старались вырастить их сами. Не раз нам встречались такие категоричные слова: лучше мы все вместе умрем с голода, но не разлучимся, и это будет наша общая доля.

Нередко в наказах мужей звучит и мысль о необходимости дать детям образование: «Как тебе, Саня, придется жить, я тебя не спрошу, — пишет с фронта муж Колесовой Таисии Андреевны (Зауралье), — только учи детей»³⁴. И вдовы со всей серьезностью относились к этим наказам. Та же Таисия Андреевна, к которой были обращены эти слова, так, например, выполнила этот наказ. Дети нашли в ее бумагах предсмертную записку матери, обращенную к мужу: «Дорогой Саватей Петрович! Наказ твой выполнила, как ты и писал, я не дала детям умереть с голоду и всех выучила, никто в плохую сторону пальцем не покажет»³⁵. Приведем целиком одно из фронтовых писем, хотя и простое по стилю и содержанию, но наполненное необычной внутренней силой. Солдат Кораблев пишет жене Лесниковой Евдокии Петровне свое последнее письмо:

«Добрый день. Здравствуйте, жена, Евдокия Петровна, и дети, шлю вам горячий привет и желаю вам всего хорошего. Сообщаю, что выехал на фронт и мне предстоит очень тяжелая задача — остаться в живых. И не знаю, чем решится моя судьба. И у вас, Евдокия Петровна, тоже за-

дача большая: вам оставлены четверо детей, воспитывать придется одной, это вам будет трудно. Вы можете обидеться на меня за такие слова, но простите. Я об вас очень соскучился, мне очень хотелось вас увидеть. А увидимся или нет — это очень трудное дело. Мне хотелось бы знать, как вы там живете, как насчет хлеба и корма корове, и как обстоит дело насчет дров. Я думаю, наверное, сидите в холодной избе, а в холодной избе ребят можно простудить. А ребята вырастут и, может быть, помогут в нашей старости. Ну, дети, Валя, Лида, Витя, Толя, — я наказываю вам — слушайтесь матери. Ну, Евдокия Петровна, останусь жив, приеду домой, и будем жить и воспитывать детей вместе. Ну, пока, до свидания. С приветом к вам, Кораблев. Крепко целую. 26.12. 1941 года»³⁶.

В воспоминаниях вдов о своих мужьях обязательно звучит тема любви («а любовь мою единственную Васенька с собой унес»), заставляющая вдов отказывать новым сватам (а сватали и с 5-ю и с 8-ю детьми!). Любовь для этих вдов — это не только чувство на всю жизнь, это, как выясняется, целый комплекс связей, сближающих двух людей навечно. Во-первых, любовь позволяет отдать другому добровольно свое сердце, в результате чего другой становится обладателем этой любви. У отдавшего «сердце» появляется в результате такой же передачи, любовь, переданная ему. И эту любовь, уже не свою, вдова хранит, как зеницу ока,

³⁴ Там же. С. 53.

³⁵ Там же.

³⁶ Книга Памяти. Солдатские вдовы Зауралья. С. 305—306.

еще более, чем свою, потому что она единственная связывает сердечно ее с покойным мужем. Также только через эту любовь она может быть связана с той любовью, что она отдала покойному мужу. Дети, в этом сложном комплексе взаимных сердечных обязательств и чувств, оказываются залогом верности, зримым и земным выражением реальности и крепости данной любви. Именно поэтому на детей, на хранение и воспитание обращают такое внимание уходящие на фронт мужья; и с такой самоотверженностью воспитывают их оставшиеся вдовами их жены. Верность памяти мужа для этих вдов является не просто соблюдением закона (очень разного — перед людьми, соседями, родными, сельчанами, всеми людьми, перед своей совестью, перед Богом), а благоговейным отношением к святыне любви и брака. Глубоко христианский мотив верности! Потому что именно в христианстве вдовство получает дополнительную полноту, а не умаление социальности и духовных сил, необходимых для несения вдовьего креста. Вдова живет за двоих. Это ясно и ей самой и ее мужу еще при жизни, когда он пишет с фронта, что в случае его смерти ей придется прожить две жизни. В том числе, нередко делать это и физически. Не случайно, как следует из биографий большинства вдов, которые мы просмотрели, их жизненный возраст нередко мерялся цифрой 90, при том, что вдовы прошли через тяжелейшие физические и нравственные испытания. Доброта и чуткость этих необыкновенных женщин также были следствием сосредоточенности не на себе, а на других: на детях, на памяти мужа, на памяти погибших солдат. Вдова сосредотачивалась не на себе, не на своем горе, а на всем том, что давало ей ее способность жить за двоих. Конечно, вдовья доля при этом не становилась слаще, а может быть, даже была еще горше от ясности такой мотивации. Об этом много написано книг, снято кинофильмов, опубликовано стихов:

Был муж Иван, да на войне в бою
Солдатом пал за Родину свою.
В уютной горнице его портрет
Висит меж окон с тех далеких лет.
Сочувственно глядит он на нее
На вдовье незавидное житье.

Это стихи поэта Александра Худякова, посвященные вдове Налеевой Акулине Михайловне

(1915—1988), воспитавшей после смерти мужа троих детей³⁷.

Важно отметить, что особая верность военных вдов памяти павших мужей подтверждается массой опубликованных документальных источников — биографий вдов. Нам встретились только одна биография, где было отступление от «канона» верности, но и там женщина тяжело переживала, что допустила нарушение клятвы мужу и публично каялась перед всеми вдовами страны за свое отступление³⁸. Между тем, стоит отметить, что в художественных произведениях советских писателей нередко, в угоду времени, вдовы ставились в положение сложного выбора между сиротским вдовством и кратковременным, но земным счастьем. В результате внутренней психологической борьбы вдовы проходят и через это испытание, забыв на время об убитом муже, отдавшись простой человеческой страсти. Авторы этих произведений хотят показать, что правда жизни состояла в сохранении человеческого достоинства и совести, при любом испытании и любом падении. В романе Н. Д. Парыгина «Вдовы» главная героиня Дарья Родионова свято хранит до времени память о муже; отказывается от предложенного односельчанином замужества до той поры, пока не узнает от однополчанина мужа, разыскивавшего ее, об обстоятельствах его гибели. Уехав в город, работая на заводе, она не сразу, но принимает ухаживание женатого пожилого мужчины и рождает от него ребенка. Драма ее переживаний, ее подросших детей, близких по работе постепенно сходит на нет; внутренние невзгоды ретушируются подрастающими детьми, внуками, заботами о хлебе насущном³⁹. На эту же тему была написана пьеса Николая Анкимова «Солдатские вдовы». Мария Капитоновна Уварова, жительница сибирского села, оставшись вдовой, через много лет после войны начинает встречаться с односельчанином Андреем, несчастливый в семейной жизни человеком. Вся деревня об этом знает и осуждает Марию, но та не меняет своего поведения. И лишь после тяжелого разговора с женой Андрея, которая просит не встречаться с Андреем, потому что «ты выросла без отца, знаешь что это такое и мои дети вырастут безотцовщиной», — Мария дает слово и больше не принимает Андрея у себя⁴⁰. Конечно, писательские задачи были несколько иные, конечно, существовали примеры приведенные ими в их художественных произведениях, но все

³⁷ Книга Памяти... С. 366.

³⁸ Солдатские вдовы... С. 238.

³⁹ Парыгин Н.Д. Вдовы. Роман. Приокское книжное издательство. Тула, 1972.

⁴⁰ Анкимов Н. Солдатские вдовы. М.: Искусство, 1975.

же, как нам кажется, самая тенденция налицо — обозначать вдовство как рыхлую, нетвердую материю, поддающуюся соблазнам и переменам, хотя и сохраняющую совесть. И вызвана эта тенденция, на наш взгляд, именно нежеланием по-советски художественно воспевать вдовство на его христианской глубине, во всей его подлинной цельности, существовавшей в жизни. Все-таки советские писатели, особенно «второго плана» обязательно должны были быть идейными, их произведения должны были иметь советскую идейность. Она же отрицала любые другие формы коллективности, кроме классовой (пролетарско/крестьянской), а вдовство, в его евангельском выражении, уже претендовало на внеклассовую коллективность. Не случайно большая часть вдов укрепляла свой дух религиозными чувствами, верой и церковностью. Редкие из них жили («горели») партийной идейностью; хотя были и такие. Но в документальном формате старались представить, конечно, что свою силу вдовы-солдатки черпали в партийной идейности. Может быть, по этой причине — той, что вдовы в массе своей выбирали религиозную духовность, как родную себе силу утешения и укрепления — у властей не было обширной, общесоюзной программы собирания вдов по всей стране в общественные организации. А то, что было, как вышеупомянутая в очерках И. Олиференко инициатива проводить ежегодные вечера памяти вдов в конкретном украинском селе, являлось единичным явлением. Появление же в Ленинграде в 1980 г. социальной службы «Верность» также не решало этой задачи. Тем более, что появилась эта организация (снизу) незадолго до разрушения СССР.

Полевой материал, собранный нами и нашими коллегами в разных областях центральной России в 1990-е и 2000-е годы, позволяет говорить, что сельские вдовы, в целом, были тесно связаны с Церковью; их мировоззрение было привязано к вере и христианской нравственности. Вдовы не боялись отстаивать свои приходские храмы от закрытия в 1920-е — 1930-е и в 1960-е годы. Эти храмы даже получали в народе именование «вдовьих»⁴¹. В селе Терновом Воронежской обл. мы познакомились с Хорошиловой Прасковьей Ивановной (1920 г.р.), вдовой, в доме которой некоторое время (пока строился сельский приходской храм) находилась домовая цер-

ковь⁴². Она так рассказала о своем вдовстве: «У меня первый муж погиб на войне (он с 1919 г.р.). Я после него 20 лет одна прожила, воспитывала сына и дочь. Нашелся человек, и я с ним сошлась. Сын был в армии, дочь замуж отдала. Все определены. Прожила с ним 17 лет, и он умер в 1979 г. У меня мама тоже вдовствовала, еще после Первой Мировой. Нас кулачили, выгнали из хаты, мы по квартирам ходили, даже одной четверти земли не давали. Малых осталось четверо с мамой, остальные к тому времени были уже взрослые, женатые и замужем, всего десять детей у нее было. Родители были очень богомольными. Маме помогал дед Свиридка, старчик»⁴³. В 1943 г. церковь в селе сгорела, когда здесь были фашисты, и после войны в храм стали ходить за 7 км в другое село или же собираться по домам и молиться: «Часто собирались, пели псалмы и по мертвым пели. И утреди по домам ходили служили, без священников, кто желает. Я не раз приглашала певчих к себе». Прасковья Ивановна познакомилась с церковным уставом, научилась обращаться с богослужебными книгами, научилась читать часы и псалмы из Псалтири. Это произошло в пору вдовства, после второго мужа. Ездил не раз на богомолья, в Киев и Печору. Прасковья Ивановна была в числе четырех деревенских активистов, начавших в конце 1980-х добиваться разрешения на строительство в селе храма. Они собирали подписи, ездили не раз в Москву. Когда получили разрешение, то по благословению Воронежского митрополита в доме Хорошиловой временно устроили домовую церковь, чтобы молиться всем миром во время строительства и собирать средства на строящийся храм. «Девять месяцев у нас служил священник, дом мой дал доходу для церкви 43 тысячи рублей». Домовую церковь разобрали, как только началась служба в новом храме с. Тернового. Но и в 2000 г., в пору нашей экспедиции, Прасковья Ивановна, с благоговением и молитвой хранит в своем доме это место, читает здесь молитвы, ограждает его от всего мирского.

Другой тип вдовы нам встретился в г. Борисоглебске. Здесь было место ссылки для многих монахинь в 1930—1950-е годы, и они опекали немало верующих женщин, в основном безбрачных, черничек и вдов. Раиса Владимировна Лычагина (1914 г.р.), жительница Борисоглебска, только три года была замужем, муж погиб («хо-

⁴¹ Рассказ Зинаиды Денисовны Шереметьевой. 1910 г.р. Село Каменка Воронежской обл. Экспедиция ИЭА РАН 2000 г. Архив О.В. Кириченко, Н.В. Шляхтиной.

⁴² Хорошилова П.И. Село Терновое Воронежской обл. Экспедиция ИЭА РАН 2000 г. Архив О.В. Кириченко.

⁴³ Речь идет о сельском старце Спиридоне, широко почитаемом в Воронежской обл. подвижнике. См.: Кириченко О.В. Значение праведника-старца для села // Традиции и современность. Научный православный журнал. 2002. № 1. С. 61—77.

роший был, не пил, не курил»), осталась вдовой с двумя детьми. Монашеская опека в то нелегкое время, считает Раиса Владимировна, стала для нее жизнеспасительной. «Они меня спасли. За меня и директора сватались и другие завидные женихи; была красивая, вела себя скромно, аборт не делала, не грешила, боялась страшно». Матушки дали молодой вдове молитвенное правило, которое постепенно увеличивалось, беседовали с ней, наставляли. Раиса Владимировна говорит, что до встречи с монахинями она даже не понимала, что такое молитва, читала духовный стих, иногда пела и думала, что это и есть молитва. Также и с постом, и с пониманием происходящего за богослужением. Во все она сумела вникнуть благодаря помощи монахинь. Хотя отцовская семья — 22 человека — тоже была богомольной (без молитвы не ложились). Молились перед едой, молитвенно готовились к праздникам: «праздники справляли молитвенно. Не то чтоб песни играть. Под праздник пели стихи духовные. Мой дядя и его два брата тоже пели. Сядут все и поют». Отец много сеял, имели достаток, но постоянно кормили бедных людей. Родительскую семью раскулачили и начались бедствия. Мы встретились с Раисой Владимировной, когда ей было уже 86 лет, но она по-прежнему продолжала ежедневно посещать богослужения в приходском храме, в 4 часа утра вставать и вычитывать свое ежедневное правило, а в течение дня молиться Иисусовой молитвой.

Те рассказы, что мы слышали в деревнях о послевоенной жизни вдов, во многом указывают на коллективный характер их содружества. Собирались, как правило, у кого-то одного, попеть молитвы, поговорить о духовном. Обязательно руководствовались даже в такой несложной религиозной жизни кем-то более опытным: монахиней, блаженным, иногда священником. При этом старались (хотя жили скудно, порой голодно) помогать еще более обездоленным, особенно нищим. Марфа Фроловна Сурайкина (1947 г.р.), жительница Нижегородской обл. (деревня Жерновка, в 40 км от Дивеева), рассказывала о своей маме, «соломенной вдове», которую бросил муж, оставив с несколькими детьми. Монахини, к которым та обращалась в деревне (их было двое), не советовали ей хлопотать об алиментах («ты самая богатая — у тебя есть дети»). «Мама часто ходила к ней за советом. Чуть только тяжело на

душе, мама говорит: “Пойдем к тете Саше”. Целыми вечерами сидела, получала утешение. А потом тетя Саша провожала ее домой до половины дороги, километра три. Все наставляла на истинный путь: “Ты делай так-то, а вот так не делай”»⁴⁴. У монахинь проходили богослужения на Пасху и Рождество, куда вдовы приходили вместе с детьми на ночь. Была еще деревенская блаженная Ксения, к которой женщины обращались просто за благословением. Блаженная хотя и не говорила ничего кроме ай, ай, ай, но была прозорливой. «Моя мама у нее исповедовалась, пока храмов не было. Сядут на печку вместе вдвоем, и мама часами говорит Ксении о своих грехах, а та все время молится». По молитвам монахинь и блаженной появилась у вдовы и духовная подруга — вдова, воспитывавшая мальчика трех лет. Мальчик вырос, стал монахом.

Послевоенные вдовы, как нам не раз приходилось слышать в экспедициях, становились чтицами Псалтири, чем раньше занимались сельские чернички⁴⁵. Причем, как отмечали наши собеседники, читали вдовы в большинстве своем не на заказ (выполняя требы, как чернички), а только для себя, поминая погибших мужей и своих родственников. Как нам рассказывала Валентина Васильевна Гребенкина (1928 г.р.) из с. Горшечное Курской обл., ее мама осталась вдовой (1899 г.р.) с четырьмя детьми. Жили большой семьей в избе-пятистенке тремя семьями со свекром и другими родственниками. Церковь любила, пела на клиросе, а когда церковь закрыли, запрещала детям туда ходить, потому что там устроили клуб. Говорила: «Если б я по молодости читала духовные книги, то ни за что бы замуж не пошла»⁴⁶. Дочь вспоминает, что «мама подолгу молилась. По ночам молилась. Ежедневно Николаю Угоднику акафист читала. Ежедневно три-четыре кафизмы Псалтири читала, за усопших». Духовной опорой для вдовы была ее верующая сестра Евдокия Петровна, тоже вдова. «Мама, порой, скажет: “Эх, жизнь скучная!” И берет какую-то духовную книгу и идет к Евдокии, сестре с дочкой и там читают или акафист, или житие какое, или еще что духовное». Сестра Евдокия, со слов Валентины Васильевны, службу церковную наизусть знала, еще с дореволюционного времени. «Возмущалась, что нынешние священники половины службы не вычитывают, пропускают». Замуж ее до революции отдали не по ее воле, не хотела она замужества. Пять лет

⁴⁴ Сурайкина М.Ф. 1947 г.р. г. Москва. Архив О.В. Кириченко.

⁴⁵ Евдокия Назаровна Проскудина. Горшеченский р-н, Курская обл. Экспедиция ИЭА РАН.

⁴⁶ Рассказ В.В. Гребенкиной. 1928 г.р. с. Горшечное Курской обл. Экспедиция ИЭА РАН 2003. Архив О.В. Кириченко, Н.В. Шляхтиной.

прожила с мужем до начала I Мировой войны, и он ушел на фронт. Тогда она сказала в сердцах: «Господи, хоть бы он не вернулся!»⁴⁷ И муж не вернулся, она осталась вдовой с дочерью. Была малограмотная, но на память знала многие тексты, которые читались в церкви, куда она часто ходила. Была «очень добрая, добрая», заботилась о нищих («наберет сумки продуктов и несет раздавать»), умерла в ночь под праздник святителя Николая, которого очень почитала. Неграмотные или малограмотные вдовы собирались у тех, кто умел читать Псалтирь и был знаком с духовными книгами. Как рассказывала нам солдатская вдова Дарья Дмитриевна Гранкина (1907 г.р.), из-за отсутствия церкви в селе «у Таньки, у хромой собирались, у нее святость держали, у нее молились... к Матрене-деве (черничке. — Н.Ш.) приходили помолиться, пасху посвятить, батюшку иногда принимали у нее»⁴⁸.

Выводы: в послевоенное время государственный и общественный статус вдов сильно вырос и укрепился за счет военных, солдатских вдов. И хотя, как позволяет говорить полевой материал, положение вдов, в том числе военных, не отличалось в материальном, экономическом плане ничем от всех прочих категорий населения (вдовы так же, как остальные на селе, бедствовали, так же несли налоговую нагрузку, из последних сил боролись за выживание семьи), но вдовы все же жили корпоративно с другими вдовами и за счет этого имели дополнительный ресурс социальной и духовной устойчивости. Их корпоративность большей частью носила религиозный характер, они объединялись для молитвы, для особого поминания своих погибших мужей и в силу этого «вдовья культурная среда» отличалась устойчивостью, стабильностью и крепостью. Со стороны советской власти не было предпринято никаких специальных усилий (кроме очень скромных пенсий младшим детям), чтобы объединить вдов в некое сообщество, и как нам думается, это было сделано сознательно, поскольку эта социальная группа (тем более тесно привязанная к церковным ценностям) не вписывалась в классические советские, классовые рамки. Совершенно очевидно, что в это время солдатские вдовы, по сравнению с социальными вдовами, заняли первенствующие позиции и даже поглощали категорию социальных вдов (т.н. называемых вдов-изгоев), которые группировались теперь вокруг солдатских.

Вдова в постсоветской России

По этому периоду материала не так много, скорее пока возможно обозначить лишь некоторые направления, тенденции, которые наметились в постсоветский период. Военное вдовство стало для русских вдов основой для корпоративного, но негласного объединения, поскольку война сделала вдовами огромное число женщин и при этом поставила их в положение самостоятельного выживания в условиях полуразрушенного традиционного сельского общества. Точнее сказать, выживать приходилось в окружении нового, классового общества, идеологически агрессивного, толкающего человека в определенные рамки, отличные от традиционных. Вот почему единственной нишей, которая позволяла вдовам существовать неформально, не идеологически, а естественно, была ниша религиозная. Сюда и ушел весь корпоративизм советских послевоенных вдов, с этим же багажом вдовы вошли и в новую, постсоветскую Россию. Однако, стоит заметить, что вдовство всегда в России держалось не на военном вдовстве, стержнем его было все-таки социальное вдовство. Оно определяло естественный порядок в этой социальной сфере. Собственно, и дальше так должно было продолжаться, но новые обстоятельства жизни — две мировых войны за одно столетие — создали прецедент главенства военного вдовства. К тому же в советский период, как было выше замечено, социальное вдовство перестало государственно поддерживаться именно как вдовство, а не просто как отдельные люди, выделяемые по категориям инвалидности, возраста, имущественного положения. Таким образом, уже в советское время был задан (и объективно и субъективно) новый тон в отношении вдов. Этот тон можно охарактеризовать как неопределенный, двусмысленный. С одной стороны, военные вдовы были чтимой (и государством и обществом) частью народа, но с другой стороны, со стороны государства не делалось никаких принципиальных усилий, чтобы облечь эту чтимость в официальные, осязаемые рамки. В силу этого, вдовы, как особое сообщество, уязвимое и материально и нравственно, выживали в этих условиях самостоятельно.

Тот положительный потенциал (военное вдовство) к концу советской эпохи уже начал исчерпываться и, по закону жанра, опять социальное

⁴⁷ Подобный случай нам встречался в селе Ясырки Воронежской обл. Муж, вернувшийся с войны настолько душевно и духовно переменялся (стал пить, постоянно сквернословить, иногда бить жену), что она взмолилась Богу, чтобы Он взял или ее или его. Вскоре после этой молитвы умер муж и она стала одна воспитывать детей.

⁴⁸ Рассказ Дарьи Дмитриевны Гранкиной, 1907 г.р. Село Болото, Курской обл. Экспедиция ИЭА РАН 2003 г. Архив О.В. Кириченко, Н.В. Шляхтиной.

вдовство должно было занять первенствующее положение. Так и происходило. С той лишь принципиальной разницей, по сравнению с дореволюционным прошлым, которая определялась их новым положением в социальной структуре общества. Дореволюционное традиционное (сословное) общество было способно, в силу религиозных причин, видеть вдов и как одного конкретного человека и как сообщество. Это общество по-евангельски смотрело на вдов, понимая, что это особые для Бога люди. В постсоветском обществе эта способность была атрофирована у всего народа; никто уже, даже в церковной среде, не мог, не стремился, не хотел видеть во вдовах нечто особенное. Так вдовы стали невидимы обществу, а, значит, перестал функционировать один из важнейших механизмов социального взаимодействия общества внутри себя, что нельзя не квалифицировать как форму проявления его болезни. То, что вдовы сегментированы в разные прочие структуры (пенсионеры, престарелые, одинокие и проч.), не

решает проблемы, потому что не работает общий маховик того социального добра и культуры, который был связан с этой категорией. А она, в свою очередь, была тесно увязана с жизнью семьи, как важнейшей ячейки общества, с институтом брака, который не может нормально существовать, если из жизни исчез такой важный элемент брачной культуры, как вдовство. Мы лишь констатируем, в данном случае, тот порядок вещей, который сложился сегодня на почве не только трагических, и во многом объективных изменений в течение XX в., коснувшихся русского этноса, но и легкомысленного и преступного отношения к институту вдовства, наблюдаемому со стороны государства и общества в этой связи. Вдовство, какой бы условной или ненужной ни казалась сегодня эта социальная категория, продолжает существовать и в нашем мире, хотя уже не корпоративно, не очевидно, но с той же самой амплитудой проблем, которые сопровождали его в течение тысячелетий. И не видеть и не учитывать этого сегодня нельзя.

